

УДК 78

ДУХОВНЫЕ СТИХИ СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ И ПАСХИ В БЫТУ ПЕНЗЕНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Гумерова Ольга Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории и теории музыки, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: gumerchik@mail.ru

В условиях современной глобализации, нейтрализующей культурное и национальное своеобразие, размывающей конфессиональные различия, особое значение приобретает поиск духовных констант и восстановление ценностных ориентиров, передающихся из поколения в поколение. Это во многом объясняет повышенный интерес современного музыковедения к жанру духовного стиха, сконцентрировавшего в себе базовые этические ценности русского народа, его стремление к этническому и религиозно-культурному самопознанию.

В статье рассматривается одна, локальная ветвь в развитии данного жанра на основе действующей ныне традиции пензенских переселенцев Челябинской области. В центре внимания – стихи, приуроченные к Страстной неделе и Пасхе, образующие монолитный блок. Поиск взаимно скрепляющих связей между ними предопределил главный вектор и исследовательскую стратегию статьи. С помощью сравнительного анализа текстов духовных стихов и их источников в Евангелиях, песнопениях Литургии, апокрифической литературе и авторской духовной поэзии, рассматриваются формы переосмысления и адаптации текстовых инвариантов. Избранный метод позволяет раскрыть диалектику взаимоотношения фольклорных и церковно-певческих традиций, различных проявлений билингвизма, отразивших взаимодействие народного и церковно-славянского языков. Особое внимание уделяется выявлению типовых черт в мелодике, метрике, фактурных, ладовых и структурных моделях духовных стихов, на основе чего делается вывод о музыкально-стилистической цельности рассматриваемой группы.

Ключевые слова: духовный стих, народное православие, традиционная культура.

SPIRITUAL VERSES OF HOLY WEEK AND EASTER IN LIFE OF PENZA IMMIGRANTS OF CHELYABINSK REGION

Gumerova Olga Anatolyevna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of History and Theory of Music, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: gumerchik@mail.ru

In the conditions of modern globalization, which neutralizes cultural and national identity, confessional differences, the search for spiritual constants and restoration of value orientations transmitted from generation to generation become especially important. This explains in many respects the increased interest of contemporary musicology towards the genre of spiritual verse, which has concentrated in itself the basic ethical values of the Russian people, striving for ethnic and religious self-knowledge. The article considers one local branch in the development of this genre based on the current tradition of Penza immigrants in Chelyabinsk region. The center of attention are the poems dedicated to Holy Week and Easter. The goal set in the article is to confirm the hypothesis that the spiritual verses of this group are not scattered chants but a form of a monolithic cycle.

The search for mutual binding the bonds between them predetermined the main vector and research strategy of the article. Using the comparative analysis of the texts of spiritual verses and their sources, the forms of rethinking and adaptation the invariants of text are considered. The folk fantasy draws inspiration from the stories of the Gospel, prayers and hymns of the Liturgy, apocryphal literature and author's spiritual

poetry. As the analysis has shown, in all samples the borrowed text acquires a pronounced lyrical coloring. The chosen method allows us to disclose the dialectics of the relationship between folklore and church-singing traditions, various manifestations of bilingualism, reflecting the interaction of the folk and Church Slavonic languages. A particular attention is paid to the identification of typical features in melodic, metric, textural, frets and structural models of spiritual verses. Based on the analysis, a conclusion is made about the wholeness of the group of hymns in question, not only on the content level but also on the musical stylistic level.

Keywords: spiritual verse, popular Orthodoxy, traditional culture.

Духовный стих на протяжении нескольких столетий служил излюбленной формой религиозного самовыражения русского народа. В истории его изучения в XX веке были этапы интенсивного подъема (до 1920 и после 1990-х годов) и затяжная пауза, совпавшая с периодом «воинствующего атеизма», когда духовный стих, отнесенный к числу запретных жанров, надолго исчез из поля зрения ученых. Вопреки обстоятельствам, он продолжал свое существование в народной среде и в годы гонений на церковь сыграл важную роль в сбережении христианских нравственных ценностей. Наибольшая его сохранность наблюдается в селах, удаленных от больших городов, в тех населенных пунктах, где живут главные носители духовно-певческой традиции – представители довоенного поколения. К таким, еще сохранившимся заповедным местам относится горнозаводская зона близ Катав-Ивановска Челябинской области, где обосновались пензенские переселенцы. Их предки – крепостные крестьяне, привезенные в период Петровских реформ на Урал для работы на заводах, – основали села Орловка и Тюлюк¹, существующие до сих пор.

Панорамное представление о рассматриваемой песенной традиции дает опубликованный в 2017 году сборник ученого-этнографа О. Л. Юровской «На древах-та сидят да птички райския...», включающий в себя 65 нотированных образцов духовных стихов калужских и пензенских переселенцев, записанных в ходе фольклор-

ных экспедиций в 2000–2003 годах [9]. Издание открывает широкие перспективы в изучении данного жанра на Южном Урале. В диссертационном исследовании самой О. Л. Юровской [8] духовный стих рассматривается в контексте его взаимодействия со всем комплексом фольклорных жанров, бытующих в этой местности, а также в ракурсе сравнения исходных и привнесенных черт песенной традиции в условиях вторичной локализации. Среди записанных О. Л. Юровской песнопений есть стихи покаянные, посвященные Христу, Богородице, святым, мученикам, христианским догматам, приуроченные к календарной и похоронно-поминальной обрядности.

Объектом изучения в данной статье являются духовные стихи пензенских переселенцев, приуроченные к Страстной неделе и Пасхе. Несмотря на их немногочисленность, они вызывают интерес с точки зрения адаптации канонических текстов, народной интерпретации и толкования евангельских сюжетов. Духовный стих становится в данном случае поэтической формой фольклорной герменевтики, посредником между христианским учением и народным православием. «Русская духовная певческая культура, вобравшая в себя святоотеческие идеи, христианские добродетели соборности, святости, добра, веры и любви, – пишет Н. В. Цуканова, – является вневременной национально-художественной формой осмысления действительности, <...> своего рода звуковой иконой, “умозрением” вечных духовных законов человеческого бытия» [7, с. 3].

Пристального внимания заслуживает и музыкальный стиль выбранных песнопений, впитавший в себя черты разных жанров и свидетельствующий, как покажет дальнейший анализ, о единстве этого малого цикла не только с точки зрения содержательной, но и музыкально-языковой.

Среди духовных стихов переселенцев шесть имеют непосредственное отношение к событиям

¹ Село Орловка, основанное в 1761 году, было при заводском и принадлежало Катавскому чугуноплавильному заводу. Крестьяне, населявшие его, прибыли из с. Орлово Арзамасского уезда Пензенской губернии. Село Тюлюк (с 1770 года) было основано горнозаводскими крестьянами как выселок из Юрюзанского железодельного завода. Существовавшее ко времени переселения пензенцев название местности, вероятно, восходит к старобашкирскому «тюлюк», что означает «кров», «жильё».

Страстной недели и Пасхи, описанным в Евангелиях:

Исполняемые в Страстную неделю:

- Со страхом, братья, вы послушайте (Тюлюк);
- Как со вечера гряну я ко Господу (Тюлюк);
- И вот Господь наш угасает (Орловка);
- Пятница святая (Орловка).

Исполняемые на Пасху:

- Лишь только солнце засияло (Орловка);
- Идите, скажите Христовым друзьям (Орловка).

Стих «И вот Господь наш угасает», подробно описывающий крестные муки Христа, поется не только на Страстной неделе, но также в пост и другие дни, не будучи жестко привязанным к событиям церковного календаря. Вероятно, такая востребованность песнопения объясняется наибольшим соответствием его текста главам Евангелия. Переживание страстных событий, размышление о крестных муках является для исполнителей стихов таким же важным условием духовного «устроения» жизни, как чтение глав Святого писания или каждодневная молитва.

Вне Страстной недели исполняется и духовный стих «Со страхом, братья, вы послушайте». Он звучал не только перед Пасхой, но и в период всего Великого поста. О. Л. Юровская сообщает, что его, наряду с другим стихом – «Как со вечеру гряну я ко Господу» – «особенно часто исполняли женщины в годы Великой Отечественной войны, собираясь ночами» [8, с. 172]. Передаваемое в них горе Богородицы, оплакивающей Сына, удваивалось трепетным отношением к Спасителю и переживаниями матерей, отправивших сыновей на войну и возможную смерть.

Предполагаемые источники текстов духовных стихов в каждом случае различны и зависят от смысловой доминанты конкретного образца. При этом во всех стихах отсутствуют догматически выверенные формулировки, и трактовка текста первоисточника всегда обнаруживает несоответствие с инвариантом, его яркую лирическую окрашенность и привнесенный фольклорный колорит.

Текст духовного стиха «И вот Господь наш угасает», как упоминалось, ближе всего к евангельским главам, посвященным страданиям Хри-

ста на кресте, и изобилует отсылками к первоисточникам: ««Свершилась»², – громко возгласил», «причистай дух свой испустил», «завеса в храми раздралась», «земля в аснви сатрислась», «пришли Иосиф с Некодимом», «и тела Госпада авбили тут белоснежной пилиной» [9, с. 60]. Повествование опирается на текст всех четырех Евангелий, в том числе от Иоанна, где в отличие от трех других упомянут тайный ученик Христа Никодим. Акцентирование отсутствующей в Евангелии подробности – «и тела Госпада с рыданиям асвабадили от гваздей» – позволяет предположить, что источником мог послужить и иконический образ Никодима. «Вероятно, – пишет О. Л. Юровская, – включение данного персонажа в духовный стих произошло под влиянием изобразительного искусства. <...> Образ Никодима в сцене снятия тела Иисуса с креста можно увидеть на русских иконах Великого Новгорода, Москвы и в Ростово-суздальской живописи XV–XVI веков. <...> Историки идентифицируют его образ по его традиционному атрибуту – клещам, с помощью которых Никодим извлекает гвозди из тела Христа» [8, с. 84–85]. Несмотря на обилие евангельских аллюзий, народная фантазия существенно расширяет описание событий, домысливает их, добавляя плач Богородицы, взывающей к умершему Сыну:

Стиная горестна, рыдая,
К груди угасшего Христа
Склонила Мать Пресвятая,
Целуя хладныя уста.
Тибя я вижу, сын бесценный,
Прастертым ныне на зимле.
Саздатель неба и вселеннай,
С печатью смерти на чиле.

О, сын мой, Бог любвиабильнай,
Услышь страдальчискый мой стон!
Избавь от муки нипасильнай,
Пашли и мне сей чудный сон.
Чтоб я магла саединица
С Табою, Сын сладчайший мой.
К Тибе душа мая стримица,
Я здесь живу адним Табой [9, с. 60, 61].

² Здесь и далее сохранена аутентичная грамматика народного текста, зафиксированная О. Л. Юровской.

В двух последующих строфах повествование дополняется словами Христа, «тайный голос» которого отзывается в груди Марии, пророчествуя о воскресении.

Еще одним распознаваемым источником текста стиха «И вот Господь наш угасает» является «Канон о распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы», созданный в X веке св. Симеоном Метафрастом (Логофетом). Стихи из него звучат во время пятничной службы и после Страстной Пятницы:

1. Дева Чистая, увидев висящим на кресте Сына и Господа (Своего), горестно стена, терзаясь и вместе с другими женами вопия, (так) говорила:

9. «Солнце незаходящее, Боже Превечный, Творец и Господь всех творений! Как Ты терпишь страдания на кресте?» <...>

13. <... > Иосиф вместе с Никодимом, рыдая, снял пречистое тело (Распятого) <...>.

16. «Увы! Печаль и скорбь и воздыхания терзают Меня, – говорила Чистая, горько рыдая, – когда вижу Тебя, Чадо Мое возлюбленное» <...>.

17. «Я хотела бы умереть с Тобой» <...>.

23. «Не оставляй Меня одну, ибо Мне уже невыносимо жить, не видя Тебя, Моего сладостного Света!»

33. «О, как сокрылась от тебя бездна милосердия? – сказал Господь тайно Матери. – Ибо, желая спасти Мое творение, Я благоволил умереть; но Я воскресну и возвеличу Тебя, как Бог неба и земли» [4].

Как видно из приведенного фрагмента, внимание здесь так же сфокусировано на страданиях Богородицы, упомянут и Никодим, и «тайное» обращение Христа к Марии.

Рассматриваемый вариант стиха «И вот Господь наш угасает» почти буквально, с учетом диалектных расхождений, совпадает с его среднерусской версией, записанной в Воронеже (см. [1, с. 112]), и это дает возможность предположить, что текст песнопения был привнесен на Южный Урал самими переселенцами.

Инвариантом стиха «Со страхом, братья, вы послушайте» является апокрифический «Плач Богородицы» («Пророки пророчили за тысячу лет»), оригинал которого находится в Собрании рукописных книг Синодальной библиотеки [6].

Текст записан полууставом – кириллицей, используемой в XIV–XV веках, что позволяет установить примерное время его появления. Сюжет «Плача» один из самых распространенных в народном духовном творчестве, многочисленные версии его имеют хождение в разных регионах России и зафиксированы в сборниках П. Киреевского, П. Якушкина, П. Бессонова, В. Варенцова и многих других этнографов. Вариант, бытующий у переселенцев с. Тюлюк, представляет собой пример полной фольклоризации текста и вызывает непосредственные ассоциации с народными плачами:

Плакыла да ходила, а да мать святая Дева.
Искала свята Дева а да Иисуса а Христа.
Навстречу святай Девы, да попалися жида.
- Да где вы жида были э да отколь бродите?

- Да были мы в Ерусалиме,
э, да мучили мы Христа.
- Да мучимши, да ево бимши,
э, да в темницу садили.
Да выслушила свята Дева,
а да упала на сыру землю.

Лежала она без памяти, э, да три она часа,
Да встала Она с сырой земли,
э, да вся Она бледна.

Сын ли ты мой Сыне,
э, да Сын возлюбленный ты мой.
Да сколь я Тебя ни пускала
а да на предкрестнаю смерть,
А Ты да не послушал да Матери Ты своей
[9, с. 153].

Заключительное трехстишие содержит утешительные слова Христа, обращенные к Марии, и отсылает нас к цитированному выше «Канону» Симеоном Метафрастом. Введение пророческих слов Христа отражает глубинное свойство народного христианского сознания, связующего во едино принятие страданий с неиссякаемой верой во спасение:

Ни плачь, о матирь, нада мною,
Сгани с лица пичали тень.

Ищё придутринней зарёю
Васстанет сын твой в третий день”.
И вот Христос наш угасает [9, с. 61].

Не плачь Ты, Моя Мати,
и да не плачь або Мне.
На третьяй день Я воскресну
да прославлю Я Тебя.
Радости да веселия а да не будет конца.
Со страхом братия, вы послушайте
[9, с. 153].

К сказанному следует добавить, что вариативное сходство стихов «И вот Господь наш угасает» и «Со страхом, братия, вы послушайте» не является случайным, оно указывает на их сознательное сопряжение и осмысление в качестве составляющих единого корпуса песнопений, приуроченных к Страстной неделе.

Духовный стих «Как со вечеру гряну я ко Господу» непосредственно примыкает к первым двум и продолжает характерную для них тему плача Богородицы. Его связь с текстом Евангелия опосредована и проявляется лишь в упоминании распятия «ва Велику пятницу» и затмения, описанного в Евангелии от Луки [Лк, 23:44]. На первом плане в стихе – страдания Марии, переданные через восприятие некоего свидетеля-сказителя описывающего «плачь великую». Его поэтика, как и в стихе «Со страхом, братия, вы послушайте», восходит непосредственно к народному причету с характерными для него чертами – коммуникативной направленностью текста (обращение к ангелам, архангелам), ролевым статусом причитающей («об маем Сыне»), эмоционально-нагнетательными повторами, использованием анафор:

Как со вечеру гряну я ко Господу,
Как белой зори был я на свидетельстве,
Как полуночи была плачь великая.
«Уж вы *плачьте-ка*, ангелы, архангелы
Аб моём Сыни, об Сыне распятаим».
Распинали ево ва Велику *пятницу*,
В эту *пятницу* не была белой зори,

В эту пятницу не всходила *солнышка*,
Всему *солнышку* всё была затмения,
А всему миру была аскорбления,

А всему миру была плачь великая.
«Уж, вы *плачьте-ка*, ангелы, архангелы
Аб моём Сыне, о Сыне распятаим»
«*Как со вечеру* гряну я ко Господу» [9, с. 147].

Заключительным «аккордом» Страстной недели в преддверии Пасхи является духовный стих «Пятница святая». Его содержание восходит к двум источникам, принадлежащим к церковной и книжной традиции. Один из них – песнопение Литургии «Да молчит всякая плоть человека», исполняемое в Великую субботу, когда мир замирает в ожидании Воскресения. Первоначальное введение его в Литургию произошло в 1545 году, согласно типикону преподобного Саввы Освященного. Авторство этих строк точно не установлено, но обычно сводится к гомилетической традиции, отраженной в «Слове о Пасхе» епископа Мелитона Сардийского. Отдельные мотивы этого песнопения встречаются в стихирах Иоанна Дамаскина и Феофана Исповедника, исполняемых на Великую пятницу и Великую субботу.

Текст молитвы:

Да умолкнет всякая плоть человеческая,
и да стоит со страхом и трепетом,
и ни о чем земном в себе да не помышляет,
ибо Царь царствующих и Господь господствующих
приходит заклаться и дать Себя в пищу верным.

Пред Ним шествуют сонмы Ангелов
со всяким их начальством и властью,
многоокие Херувимы и шестикрылые Серафимы,
закрывая лица и возглашая песнь:
аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Перевод на русский иеромонаха Амвросия (Тимрота) [5, с. 190–191].

Книжным инвариантом текста духовного стиха является стихотворение православного писателя XIX века Хрисанфа Саковича, в монашестве Христофора (1833–1897). Он почти не известен в настоящее время, но произведения его приобрели такую популярность, что затмили имя их создателя. Стихи Хрисанфа Саковича, издаваемые огромными тиражами, бытуют преимущественно

в анонимном виде. Они воспринимаются как продукт народного песнетворчества и действительно стали таковыми в процессе их фольклорной адаптации, вариативного переосмысления и тропирования.

Ведущую тему стиха Хрисанфа Саковича определяет инициальная строфа, мысль которой развивается в последующих строфах, она же встречается во всех возможных фольклорных вариантах:

В Пятницу святую
Все должны молчать,
О Христовых муках
Крестных размышлять [3].

Неизменно во всех известных списках присутствует и строфа, заставляющая вспомнить о крестных муках Спасителя:

В Пятницу ж Израиль
Господа судил
И всего измучил,
На Кресте убил [3].

Последние строфы стиха Хрисанфа Саковича представляют собой несколько видоизмененное кольцевое обрамление.

В Челябинской области зафиксировано четыре разных варианта духовного стиха «Святая пятница» – в селах Кацбах Чесменского района, Александровка Октябрьского района, Полоцкое Кизильского района [2, с. 63, 161, 186] и Орловка Катав-Ивановского района [9, с. 79–80]. В первых трех присутствуют строки, рисующие страдания Марии, в то время как в стихе Орловки их нет. В Полоцком варианте добавлена молитва Трисвятая («Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бесмертный, помилуй нас»), а в Александровском и Орловском вариантах имеется припев, повествующий об ангелах – безмолвных свидетелях Христовых страданий. Последний заставляет вспомнить песнопение «Да умолкнет всякая плоть», в котором так же упоминаются «сонмы Ангелов»:

Ангилы слитались на святой утёс,
Ва страхи сматрели, как страдал Христос
[9, с. 79].

Таким образом, Орловский вариант, как и Александровский, является результатом синтеза и трансформации сразу двух текстовых источников – стиха Хрисанфа Саковича и литургической молитвы «Да умолкнет всякая плоть». Кроме того, только в варианте пензенских переселенцев присутствует еще один важный смысловой мотив, проистекающий из свода нравственных законов христианина: «Кто възлюбит гордасть, тот ва тьму пайдет, / и во тьме глубокай смертию умрет» [9, с. 80].

Пасхальные духовные стихи в среде пензенских переселенцев малочислены и значительно лаконичней страстных. Это объясняется бытийными установлениями в среде верующих. Страстная неделя обязывает к интровертности, сосредоточению, погружению в медитацию. Молитвы и духовные стихи органично вплетаются в длительные размышления о страданиях и смерти Христа. Пасхальные торжества, напротив, предполагают радостную открытость к миру, экстравертность, переключение с религиозных переживаний на живое общение, отвлекающее от молитв и пения духовных стихов в быту. Примечательно, что в Тюлюке пасхальные духовные стихи, приуроченные к Пасхе, отсутствуют вовсе. Сохранившиеся образцы зафиксированы только в Орловке.

Пасхальные стихи «Лишь только солнце засияло» и «Идите, скажите Христовым друзьям» образуют диптих на тему воскресения Господня. Непосредственных связей с каноническими или книжными текстами в них нет, за исключением пасхального приветствия «Христос воскрес!», многократно повторяемого за Пасхальным богослужением и звучащего повсеместно за пределами церкви из уст верующих. В стихе «Лишь только солнце засияло» его троекратное повторение придает композиции дополнительную целостность:

Лишь только солнце засияла,
Христос Спаситель наш воскрес.
И воскресения начало
Сирцам искупленным принёс (2р.).

Христос воскрес! И казнь паденья
Уже нас больше ни страшит.
Христос воскрес! И весть спасенья
Нам с воскресением дарит (2 р.).

*Христос воскрес! И жизни вечной
Залог священный Он дарит.
Прими же песнь хвалы сирдечной,
Гасподь и к жизни воскресит* (2 р.) [9, с. 64].

Краткая аллюзия на слова ангела (ангелов) у Гроба Господня из Евангелия от Матфея, Марка и Луки [Мф 28:6; МК 16: 6; ЛК 26:6] встречается в стихе «Идите, скажите Христовым друзьям»:

Идите, скажите Христовым друзьям:
Вскрес он из гроба, и нет его там
Любимый Учитель придёт к ним апять,
Чтоб радавать их и любви наставлять (2 р.)
[9, 64].

Обращает на себя внимание и структурное тождество строф пасхальных песнопений с повтором второго двустишия (АВВ). В обоих стихах доминирует состояние радости по случаю

Воскресения Христа, воспринимаемого как залог собственного спасения, обещанного Господом: «И воскресения начало / Сирцам искупленным принес»; «Вскрес он, чтоб грешников скорбных сирца / Увидели славу Ево алтарей» [9, с. 58, 65]. Пророчество о воскресении в стихах Страстной недели и мысль о его свершении, составляющая главный стержень пасхальных стихов, позволяют рассматривать и те, и другие как единое целое, неразрывность которого обеспечивается логикой причинно-следственных связей.

Но не только содержательный аспект и временной фактор сближает страстные и пасхальные стихи. Их родство проявляется в языковом билингвизме, основанном на смешении народного и церковно-славянского языка, сочетании народно-текстовой фонетики и норм литургического произношения. В каждом образце обнаруживается лексика, принадлежащая и к той, и другой языковой системе (см. табл. 1):

Таблица 1

Смешение народного и церковно-славянского языка в духовных стихах

<i>И вот Господь наш угасает</i>	«раздралась», «к кресту», «матирь», «в новам гроби»	<i>Пречистый дух, испустил, древо муки, возгласил, уста</i>
<i>Со страхом, Братья, вы послушайте</i>	«писаниё», «в Ерусалиме», «отколь», «преткрестную»	<i>Святая Дева, Господних страстей, Братия, Божие, Сын возлюбленный,</i>
<i>Как со вечеру гряну я ко Господу</i>	«аб маем», «распатаим», «плачь великая»	<i>гряну, ко Господу, распинали</i>
<i>Пятница святая</i>	«ва страхи», «Исуси», «Госпыда», «глубокай»	<i>уста, пребывать, смертью</i>
<i>Лишь только солнце засияло</i>	«сирцам», «солнце засияла», «сирдечнай»	<i>Искупленным, жизни вечной, залог священный</i>
<i>Идите, скажите Христовым друзьям</i>	«любви наставлять», «беспичальных», «вскреснул», «любящих»	<i>весть, отрекся, восстал, к жизни блаженной</i>

В воспроизведении традиционной фольклорной стилистики важную роль играют постоянные эпитеты, поэтически типизирующие образы Матери, Христа, природы, различных явлений: «сын бесценный», «Бог любвиобильной», «сын сладчайший», «грешникав скорбных», «глубокай смертью», «муки непосильной», «плачь великая», «хвалы сирдечной», «сыру землю», «белой зори».

Единство внутри корпуса страстных и пасхальных стихов обеспечивается не только поэтическими, но и музыкальными средствами. Одним из главных подтверждений этого является наличие общего политекстового напева, используемого в стихах обеих групп. На его мелодию поются стихи «И вот Господь наш угасает» и «Лишь только солнце засияло», связанные, как уже указывалось каузальными отношениями (*примеры 1, 1а*):

Пример 1. И вот Господь наш угасает

И вот Гос - подь наш у - га - са - ет, — "Сверши-лась!", гром-ко ваз - гла - сил,

Пример 1 а. Лишь только солнце засияло

Лишь толь-ка солн - це за - си - я - ла, — Хри-стос Спа-си - тиль наш — вас - крес.

Но оправдать использование политекстового напева лишь содержательными параллелями было бы неверно, учитывая, что данный напев используется и для стихов, не входящих в рассматриваемую группу («Прошу тебя, угодник Божий», «Спаситель мой, к тебезираю», «О, Дева чистая, святая», «К тебе, о Матерь пресвятая»). Правомерным объяснением в данном случае может служить наличие единой метрической организации. Во всех случаях использован ямбический силлабо-тонический стих с двухсложной стопой (9+8):

U — / U — / UU / U — U

U — / U — / UU / U —

U — / U — / UU / U — U

U — / U — / UU / U —

Данная метрическая структура указывает на позднее происхождение напева, поскольку заимствуется не от ранних фольклорных, а от литературных поэтических форм XIX века. Первичной жанровой основой мелодики является городская песня, что в очередной раз подтверждает сказанное. Параллель политекстовому напеву образуют два пасхальных песнопения «Идите, скажите Христовым друзьям» и «Пятница святая» в стиле канта, также опирающиеся на поздние метрические силлабо-тонические структуры (амфибрахий с трехсложной стопой и хорей с двухсложной стопой).

Совсем иные черты характеризуют духовные стихи «Как со вечеру гряну я ко Господу» и «Со страхом, Братья, вы послушайте». Будучи связанными с плачем Богородицы, определяющим их эмоциональный модус, оба они восходят к жанру крестьянской лирической проголосной (протяжной) песни с внутрислоговыми распевами и микровариантным развитием в мелодии (примеры 2, 2а):

Пример 2. Как со вечеру гряну я ко Господу

Музыкальный пример 2. Две системы нот в тональности ми-бемоль мажор. Первая система: мелодия и аккомпанемент. Под мелодией текст: Как со ве - - - че - ру гря-ну я ко Гос - по - ду. Вторая система: мелодия и аккомпанемент. Под мелодией текст: Как бе - лой _____ зо - ри был я на сви-де - тель-стви... //

Пример 2 а. Со страхом, братья, вы послушайте

Музыкальный пример 2а. Две системы нот в тональности ми-бемоль мажор. Первая система: мелодия. Под мелодией текст: Со стра - хом - то вы бра - ти - я, и да. Вторая система: аккомпанемент. Под аккомпанементом текст: вы по - слу - шай - те //

Этот жанр – по своему происхождению более ранний – опирается на древнюю дисметрическую форму народной поэзии – фразовик с неравноударными и разносложными строками с серединной цезурой в каждой из них и отсутствием рифменной организации.

Органичное единство отличает звуковысотную организацию напевов. Все они базируются на диатонических звукорядах в амблусе сексты с типовыми ладовыми формулами (трихорд в квар-

те, малотерцовый трихорд, трихорд с субквартой, тетрахорд мажорного и минорного наклонения).

Очевидным единообразием отличается и фактурный склад, выдержанный во всех стихах, независимо от их первичной жанровой основы. Инвариантной фактурной моделью является гетерофония с расщеплением унисона посредством вторы (примеры 1, 1а, 2, 2а) или пучкообразного расхождения в трехголосие в конце фраз, как в стихе «Пятница святая (пример 3):

Пример 3. Пятница святая

«Утолщение» главной мелодической линии производится посредством «подголашивания» сверху или снизу, так что направляющая, ведущая функция передается то верхнему, то нижнему голосу. Отслаивающиеся от основного мелодического ствола «вторые» не индивидуализированы и дублируют ритмический и мелодический рисунок. Типовыми чертами обладают и кадансовые формулы – нисхождение параллельных терций к унисонному «узлу» или терцовому устою с остановкой на крупной длительности.

Предпринятый анализ подтверждает гипотезу о том, что духовные стихи Страстной недели и Пасхи образуют монолитный блок. Эта общность поддерживается не только содержанием, но и формами осмысления сакральных источников.

В духовных стихах наиболее явно обнаруживается синкретическое единство церковной практики и фольклора, осуществляется их живая внутрикультурная коммуникация. Это, в свою очередь, обусловило цельность музыкально-поэтической системы на уровне мелодики, ритмики, фактуры, лада, лексики, структуры.

Духовный стих – своеобразный компендиум народной этики. В условиях непростой современной социокультурной ситуации он помогает сохранить базовые нравственные принципы – сострадание, добро, преданность, самопожертвование. Благодаря ему становится крепче «дней связующая нить», позволяющая сохранять и развивать духовное достояние предшествующих поколений.

Литература

1. Духовные стихи Воронежского края: Афанасьев. сб.: мат-лы и исслед. – Воронеж: ВГУ, 2011. – Вып. X. – 284 с.
2. Духовный фольклор на Южном Урале. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 224 с.
3. Лабынцев Ю., Щавинская Л. Духовная поэзия Хрисанфа Саковича [Электронный ресурс] // Sami o Sobie: Miesięcznik społeczno-kulturalny. – 2010. – XI (07). – URL: http://www.przeglادprawoslawny.pl/samiosobie/articles.php?id=8&id_n=196.
4. Плач Пресвятой Богородицы (Канон о распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы) Симеона Логофета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belmagi.ru/amolitv/pl_bogor.htm.
5. Служебник аналойный. – М.: Издат. Совет Русской православной церкви, 2006. – 444 с.
6. Собрание рукописных книг синодальной библиотеки [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/f-272/395>.
7. Цуканова Н. В. Русская духовная певческая культура: философско-культурологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2007. – 199 с.
8. Юровская О. Л. Духовные стихи в песенной традиции калужских и пензенских переселенцев Челябинской области: дис. ... канд. искусствоведения. – Челябинск, 2017. – 446 с.
9. Юровская О. Л. «На древах-та сидят да птички райския...»: Духовные стихи горнозаводских сёл Челябинской области: мат-лы фольклор.-этногр. экспедиций. – Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2017. – 193 с.

References

1. *Dukhovnye stikhi Voronezhskogo kraja: Afanas'evskiy sbornik: materialy i issledovaniya [Spiritual verses of the Voronezh region: Afanasyevsky collection. Materials and research]*. Voronezh, VSU Publ., 2011, iss. X. 284 p. (In Russ.).
2. *Dukhovnyy fol'klor na Yuzhnom Urale [Spiritual folklore in the Southern Urals]*. Magnitogorsk, MaSU Publ., 2005. 224 p. (In Russ.).
3. Labyntsev Iu., Shchavinskaya L. *Dukhovnaya poeziya Khrisanfa Sakovicha [Spiritual poetry of Hrisanf Sakovich]. Sami o Sobie: Miesięcznik społeczno-kulturalny [Sami o Sobie: Miesięcznik społeczno-kulturalny]*, 2010, XI, no. 07. (In Russ.). Available at: http://www.przekladprawoslawny.pl/samiosobie/articles.php?id=8&id_n=196 (accessed 10.12.2017).
4. *Plach Presvyatoy Bogoroditsy (Kanon o raspyatii Gospodni i na plach Presvyatoy Bogoroditsy) Simeona Logofeta [The Weeping of the Blessed Virgin (Canon of the Crucifixion of the Lord and The Weeping of the Blessed Virgin) Simeon Logofet]*. (In Russ.). Available at: http://www.belmagi.ru/amolity/pl_bogor.htm (accessed 10.12.2017).
5. *Sluzhebnyk analoynyy [The analoic service book]*. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2006. 444 p. (In Russ.).
6. *Sobranie rukopisnykh knig sinodal'noy biblioteki [Collection of manuscript books of the Synodal Library]*. (In Russ.). Available at: <http://old.stsl.ru/manuscripts/f-272/395> (accessed 10.12.2017).
7. Tsukanova N. *Russkaya dukhovnaya pevcheskaya kul'tura: filosofsko-kul'turologicheskie aspekty: dis. kand. philos. nauk [Russian spiritual singing culture: philosophical and cultural aspects. Diss. PhD in philosophy]*. Belgorod, 2007. 199 p. (In Russ., unpublished).
8. Yurovskaya O. *Dukhovnye stikhi v pesennoy traditsii kaluzhskikh i penzenskikh pereselentsev chelyabinskoy oblasti: Dis. kand. isk. [Spiritual verses in the song tradition of Kaluga and Penza immigrants of the Chelyabinsk region. Diss. PhD in Art History]*. Cheliabinsk, 2017. 446 p. (In Russ., unpublished).
9. Yurovskaya O. "Na drevakh-to sidyat ptichki rayskiya...": *Dukhovnye stikhi gornozavodskikh sel Chelyabinskoy oblasti: materialy fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsiy ["The birds of paradise sit on the trees ...": Spiritual verses of the mining communities of the Chelyabinsk region: materials of folklore and ethnographic expeditions]*. Chelyabinsk, YuSI of Arts Publ., 2017. 193 p. (In Russ.).

УДК 791.3

ЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЗВУКОЗАПИСИ В СОЗДАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КИНОФИЛЬМА

Русинова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой звукорежиссуры, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (г. Москва, РФ). E-mail: vgik_sound@mail.ru

В течение последних трех десятилетий произошли качественные изменения и усовершенствования техники и технологий звукозаписи в кинопроизводстве, существенно повлиявшие на качество звучания кинофильмов, и, следовательно, на восприятие зрителей. Звук стал одним из важнейших средств художественной выразительности в современном кинематографе, оказав воздействие на эстетическую форму кинопроизведения. Быстрое развитие цифровых технологий позволило зрителю по-новому, со всей силой психологических переживаний и чувственных ощущений воспринять глубину и разнообразие акустического и художественно-эстетического пространства фильма. Однако сложившаяся ситуация в кинопроизводстве обнаруживает и ряд актуальных для искусства кино проблемных областей, среди которых: вопрос паритета акустических и эстетических параметров звука кинопроизведения; роль звуковой составляющей киноформы в оценке художественного качества картины; расчет соотношения психофизиологического, эмоционально-чувственного и интеллектуального аспектов зрительского восприятия элементов фонограммы фильма в творческом процессе ее создания и др. Одному из таких актуальных вопросов – роли звука в создании эстетического пространства в современном